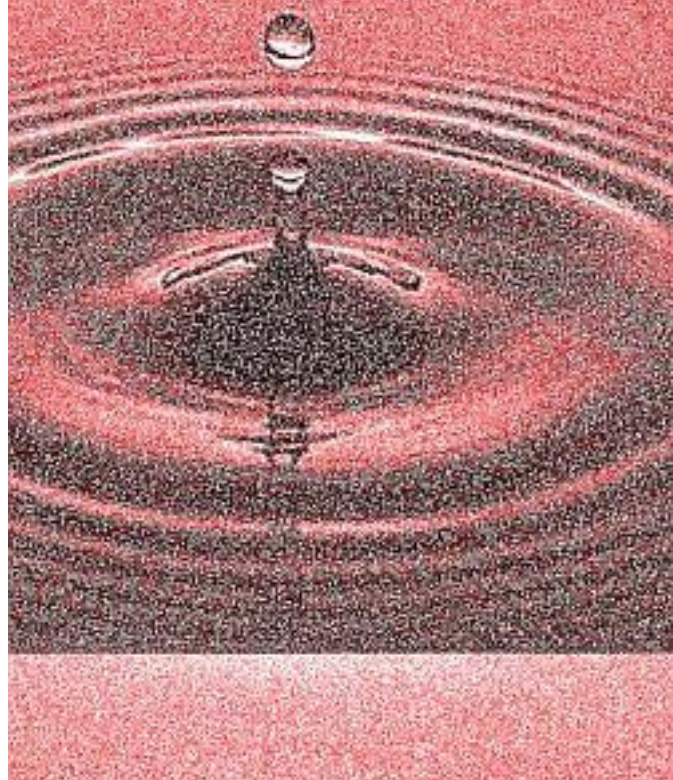

Александр Ермак

Заговор рвачей

(роман)

Александр Ермак Заговор врачей

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179975

Аннотация

Журналист, специализирующийся на криминальных расследованиях, только что закончил работу с очередным делом. Самое время отдохнуть в очень кстати подвернувшемся санатории, но обстоятельства складываются таким образом, что он вынужден начать новое расследование.

Профессиональное чутье, азарт и человеческое сочувствие помогают журналисту обнаружить в безобидных, казалось бы, фактах реальную угрозу не только для десятков тысяч больных, но и для миллионов здоровых людей. Журналист решает остановить компанию, решившую заработать на здоровье людей. И в конечном итоге, это ему удастся. Журналист разоблачает бандитов в белых халатах, выдумывающих несуществующие болезни, применяющих дорогие, но не эффективные лекарства, специально превращающих здоровых людей в больных – в потребителей медицинских препаратов и услуг.

Книга заставляет не только переживать за героев, но и задуматься над тем, как выжить в современном мире больших фармацевтических корпораций и врачей, наплевавших на клятву Гиппократа.

Содержание

1	4
2	9
3	17
4	23
5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Ермак

Заговор рвачей

(роман)

Все имена людей, а также названия компаний в данной книге являются вымышленными, их возможное совпадение с реально существующими именами и названиями абсолютно случайно.

1

- Братьев Карамазовых расстреляли.
- Не может быть.
- Может.
- Когда?
- Вчера вечером.
- Но вчера у младшего Карамазова был день рождения...
- Вот на дне рождения, когда все три брата собрались вместе, их прямо за праздничном столом и...

– А охрана? И ведь там же народу было полно, свидетели...

– А убийца и не скрывался. Подошел к имениннику, сидящему рядом со своими старшими братьями, поздравил. Открыл подарочную коробку и достал оттуда пистолет. В упор расстрелял всю обойму. На троих семи пуль за глаза хватило. Все братья наповал. Охрана ничего не успела сделать. Убийца к жертвам был ближе всех...

- Его взяли?
- Да. Отстрелявшись, он сразу же поднял руки.
- Что это за идиот?
- Это бухгалтер Карамазовых – Малькович.
- Малькович?
- Малькович...

Я откинулся на спинку кресла. Какая неожиданная развязка. Пол года я занимался делом Карамазовых – алюминиевых королей. Объездил два десятка городов в трех странах. Был на добывающих и обрабатывающих предприятиях, встречался с разными людьми – с менеджерами, бандитами, милиционерами. Собрал несколько томов документов – банковских проводок, финансовых отчетов, выписок из уголовных дел. А еще у меня на руках сотня часов записей разговоров с посвященными в дело Карамазовых. Оно было не таким уж сложным. Братья с помощью шантажа или угроз скупали по заниженным ценам интересные их предприятия, выстраивая свою алюминиевую империю. Если кто-то из владельцев или их представителей отказывался от сделки, то пропадал без вести. Как правило, ни тела, ни каких-либо указаний на причины исчезновения не обнаруживалось. Это был фирменный почерк Карамазовых.

Людям, попадающим в поле зрения алюминиевых королей, не помогала ни собственная охрана, ни государственные правоохранительные органы. Старший Карамазов сам имел юридическое образование, прокурорский стаж и множество друзей в этих самых органах. Средний отмотал несколько сроков и хорошо знал криминальную среду. Младшенький же не прошел ни университетских, ни тюремных коридоров – старшие братья уберегли. Отсутствие образования давало знать – он не соблюдал ни человеческих, ни воровских законов:

бил, убивал, нередко лично, и делал это с наслаждением. Но соблюдал все-таки одно правило, которое старшие братья еще в детстве вколотили в его бестолковую голову – «Не оставляй свидетелей, ... не оставляй свидетелей»...

В этом-то и была трудность с официальным расследованием дела Карамазовых. Прямых свидетелей преступлений алюминиевых королей на поле бизнес-брани не оставалось. Косвенные же боялись, что их постигнет участь прямых. А все документы по переходу собственности были оформлены юридически правильно, по закону. И за каких-то семь лет братья построили действительно империю. В нее вошли предприятия, которые добывали и транспортировали сырье, заводы, которые его обрабатывали, выплавляли из него алюминий. А еще электростанции, снабжающие заводы необходимыми энергетическими мощностями. И еще фабрики, специализирующиеся на выпуске изделий из алюминия. В моих архивах было несколько таких: кусок авиационного профиля, катушка электрического провода и даже тюремная миска. На всех этих предметах красовалось клеймо «Братья Карамазовы». Кровавое клеймо. По моим данным в ходе сколачивания алюминиевой империи погибло более шестидесяти человек: владельцы предприятий, наемные менеджеры, члены их семей, а также охранники и рядовые работники, случайно оказавшиеся в момент преступления рядом с жертвой.

Официальное расследование карамазовского дела не раз открывалось, откладывалось, закрывалось и снова открывалось. И снова закрывалось. Оно не продвигалось ни на миллиметр. И из-за отсутствия свидетелей, и из-за связей старшего Карамазова. А они, чем дальше, тем все более становились обширными. Самый образованный из «соимператоров» дружил уже не только с бывшими однокурсниками и коллегами по прокурорской работе, но и с известными политиками. Он не стеснялся телекамер и даже слыл щедрым меценатом среди творческой элиты.

Безусловно, старший Карамазов был умен. Он прибирал к рукам не только предприятия, несущие прямую прибыль, но и те, что могли способствовать этому процессу. Он даже хотел купить газету, в которой я работал – лучшую, самую тиражную газету страны. Старший Карамазов лично, но, конечно, с толпой охраны, приходил в редакцию. Журналисты из всех комнат выглядывали в коридор, чтобы посмотреть на возможно своего будущего хозяина – толстого борова с маленькими хитрыми глазенками.

Переговоры не состоялись. Акционеры напрочь отказались продавать газету. И сразу же почувствовали серьезность намерений и аргументов Карамазовых. Во время отпуска, на охоте в джунглях Мозамбика, пропал заместитель главного редактора. А еще через неделю за городом нашли пустую машину так и не доехавшего до редакции нашего директора по маркетингу. Ни первого, ни второго тела обнаружить не удалось. Фирменный почерк Карамазовых...

А потом последовало новое вежливое обращение к акционерам уступить газету. Карамазовым. Недорого.

Вот тогда мне – одному из корреспондентов, специализирующихся на расследованиях, – и было поручено «дело Карамазовых». О том, кто именно будет заниматься им, главный редактор никому не сообщил, даже акционерам. Сам я официально уволился из газеты. Стал для всех независимым журналистом. На некоторое время мое имя не должно было иметь прочной связи с нашей газетой. Зарплату я стал получать через один из банков. И не на свое имя, а просто по кодовому слову. Называл его, и мне выдавали деньги без предъявления каких-либо документов.

Днем и ночью я копал, копал, копал на Карамазовых. Мы должны были устранить эту угрозу. Угрозу для нашей газеты и, по большому счету, угрозу для всего общества. Такие, как Карамазовы, сами никогда не останавливаются. Прибрав алюминиевую отрасль, они выбе-

рут себе следующую цель, а потом следующую, и следующую. А это значит – будут трупы, трупы, трупы.

Чтобы их не было, по крайней мере в нашей газете, на время моего расследования акционеры начали переговоры, торг с Карамазовыми. Проводились акционерные собрания, консультации с юристами, экономистами. Время шло. А я работал. Месяц за месяцем. Пол года. У меня не было таких ограничений, как у правоохранительных органов, и в моем архиве собиралось все больше настоящих свидетельств, которые легко связывались с официальными справками и отчетами. Не бывает так, чтобы по десяткам эпизодов уж совсем бы не было свидетелей. Просто люди очень боялись. Но они и ненавидели Карамазовых. И потому, хоть и не под протокол, говорили, рассказывали о виденном, слышанном. Мне удалось даже найти, сфотографировать и перепрятать часть останков жертв Карамазовых.

Я получил и копии материалов из официального, в очередной раз замороженного дела Карамазовых. Отстраненные, переведенные на другие дела следователи охотно делились со мной информацией:

– Может, хоть тебе удастся это безобразия на свет божий вытащить...

Я торопился. Чем дальше, тем больше старший Карамазов начинал нервничать и вот-вот мог вновь перейти на более привычные ему пути решения проблемы покупки бизнеса. Как ни старался я быть очень осторожным, но мой интерес к делу Карамазовых все же не мог оставаться незамеченным. Сначала на меня не очень обращали внимание – мало ли журналистов вьется вокруг алюминиевой империи: ходят на презентации, берут интервью, пишут статьи о значении алюминиевой индустрии в социальной жизни страны. Но по прошествии времени, видимо, моя активность стала уж слишком бросаться в глаза. И как-то в баре ко мне подошел совершенно незнакомый человек:

– Хорошее пиво?

– Ничего.

– Знаешь, друг, а не лез бы ты в дела Карамазовых. Зачем тебе неприятности? Пей себе пиво. Наслаждайся жизнью...

Совет этот я, конечно, проигнорировал. Но когда две недели назад прямо у дома демонстративно взорвали мою машину, мы с главным редактором решили, что мне необходимо перейти на конспиративное положение. У меня уже было достаточно материала и чтобы подготовить цикл публикаций об алюминиевой империи, и чтобы при необходимости отстоять свою позицию в суде. И я снял на чужое имя квартиру, перестал появляться в привычных для себя местах, засел за компьютер. Первая страница готова. Вторая. Третья... Пятнадцатая... Тридцатая...

Время от времени мы встречались с главным редактором в одном достаточно невзрачном на вид кафе. По электронной почте назначали время встречи и, убедившись в отсутствии слежки, приходили в «Дельфин». Мы никогда не называли место встречи. Только время. Это означало, что встреча состоится в «Дельфине».

Мой цикл статей по делу Карамазовых был практически готов. И я уже хотел назначить на завтра встречу с главным редактором, чтобы передать материал, как он сам вызвал меня.

– Братьев Карамазовых расстреляли... – я повторил это снова и переспросил – Малькович? Их собственный бухгалтер?

– Да, – снова подтвердил главный. – Как ты знаешь, Малькович ведь раньше был концессионером одного из месторождений алюминиевого сырья.

– Да, – кивнул я, – пока на его глазах не перебили всю его семью: жену, четырех дочерей. Официальное расследование ни к чему не привело, убийц не нашли. А средний Карамазов пообещал Мальковичу найти убийц, если тот незадорого уступит месторождение алюминиевой империи. И Малькович согласился. Он был готов на все, лишь бы отыскать, наказать тех, кто лишил его семьи. Он переуступил Карамазовым права на концессию. И средний брат

выполнил свое обещание. Мальковичу предъявили двух парней, которым, дескать, заказал его семью некий грек, положивший глаз на месторождение. Пацанов этих – якобы профессиональных киллеров, – тут же в присутствии Мальковича и пристрелили, а самого его Карамазовы взяли на работу бухгалтером. Он ведь в этом деле неплохой специалист: отличное образование, колоссальный опыт...

Главный вспомнил:

– По твоим сведениям, на самом деле не было никакого грека.

– Ну, да, – подтвердил я. – Семейку Мальковича расстреляли по заказу Карамазовых. самого его младший Карамазов тоже хотел отправить на тот свет, но мудрый старший убедил оставить специалиста в живых. Чтобы использовать квалифицированные мозги на благо алюминиевой империи.

Главный кивнул:

– Так вот, Малькович, видимо, каким-то образом тоже узнал правду. Когда он стрелял в Карамазовых, то так и выкрикнул: «Это вам за мою семью! За мою семью!»

Я закрыл глаза и провел руками по лицу, потирая его:

– Значит, все кончено. Я могу возвращаться в редакцию и домой.

– Да, – подтвердил главный, – возвращайся к нормальной жизни. Не забудь написать официальное заявление о приеме на работу. Твое рабочее место ждет тебя.

– Хорошо. Вечером закончу материал о Карамазовых и принесу завтра в редакцию.

Главный потер руки:

– Отлично. Значит, сегодня же мы дадим и новость о смерти братьев Карамазовых и, заодно, анонс твоего цикла статей, раскрывающих закулисные дела этой алюминиевой империи. Думаю, интерес публики будет фантастическим, и мы еще больше поднимем тираж газеты. Ну а тебе – тебе, разумеется, вдобавок к зарплате гонорар по высшей ставке.

Я улыбнулся:

– Это, конечно, не помешает, – и от чего-то вздохнул.

Главный посмотрел на меня:

– Что-то ты мне не нравишься. Вид у тебя какой-то бледный...

Я лишь пожал плечами:

– Так побледнеешь с такой работой. Вокруг трупы. Да еще эти угрозы. Я в последнее время и спать-то стал в полглаза. Все ждал, когда на пороге Карамазов младший появится с закатанными рукавами...

– А знаешь, что, – задумался главный, – Завтра сдашь материал и поезжай-ка ты отдохнуть на курорт. В санаторий.

– В какой еще санаторий? – удивился я.

– В хороший. В Минеральске. На днях наша газета заключила рекламный договор с одной крупной фармакологической компанией. С очень крупной. Наверняка, знаешь такую – «Медоза».

Я подтвердил:

– Да, последнее время на слуху.

Главный продолжил:

– Так вот мало того, что договор у нас с ней на очень большие деньги, мы от них еще и небольшой бонус получили. У «Медозы» есть свой санаторий, и мы можем послать туда на отдых нашего журналиста. Не помню, насколько недель точно. То ли на две, то ли на три. Это надо уточнить... Мы как раз думали, кого бы отправить. Вот ты и поедешь.

Тут я насторожился:

– А писать об этом санатории потом нужно, расхваливать в газете?

На это главный махнул рукой:

– Нет, не беспокойся. Журналист от нашей газеты едет безо всяких перед «Медозой» обязательств. Ничего про них писать не надо... Так что оформляй документы и езжай – отсыпайся, отъедайся, отдыхай, одним словом. А потом спокойно приступай к своим обязанностям.

Да, с этими Карамазовыми я действительно вымотался, устал и морально, и физически. Так что мысль главного редактора – несколько недель повалять дурака на курорте – мне начала нравиться все больше и больше:

– Я согласен.

– Ну и отлично.

Следующим утром с готовым карамазовским материалом я был в редакции. И вечером – уже в поезде. Думал, что наконец-то расслабленный, убаюкиваемый вагонной качкой засну, как убитый. Но не спалось. Полудремалось, полубредилось. Я то смотрел в темное окно с неясными мелькающими тенями, то закрывал глаза. И видел Карамазовых. Сидящих в шикарном офисе. Прогуливающих под ручку с элитными представительницами...

А вот их всех троих несут на кладбище. В блестящих алюминиевых гробах. Рыдают вдовы. Играет оркестр, которым руководит бухгалтер Малькович. В руках у него, вместо дирижерской палочки, пистолет с глушителем.

Я наблюдаю за похоронами из-за дерева. Вот гробы опустили в землю. И тут же взгромодили на могилы огромный мраморный памятник. На нем нет фотографий, дат. Только клеймо, как на тюремной миске, здоровенное такое клеймо – «Братья Карамазовы».

Оркестр отыграл лезгинку. Родственники и почетные гости разбрелись по лимузинам. А когда на кладбище никого не осталось, на него въехал огромный бульдозер. Поднапрягшись, упершись сталью, он снес памятник. Уехал. И тут же на его месте оказался самосвал. На перепаханные гусеницами могилы он высыпал кучу красной алюминисодержащей глины. И тоже уехал.

И больше никого и ничего. Нет даже привычных для кладбища птиц. Нет, я заметил, что в воздухе что-то летит, что-то кружится. Это ветер несет откуда-то газету. Прямо на меня. Бросает мне в руки. Да это же наша газета. С крупным заголовком на первой полосе: «Алюминиевая смерть».

Кто-то тронул меня за плечо. Я вздрогнул и обернулся. И открыл глаза – это был проводник:

– Приехали, уважаемый. Минеральск...

2

Главный врач санатория отрекомендовался Розендорфом и сразу взял быка за рога:

– Покажите язык, господин журналист... На что жалуетесь?

Я пожал плечами:

– Ни на что.

Главврач кивнул:

– Понимаю-понимаю... Снимайте рубашку. Дышите. Не дышите... Покажите живот...

Дисбактериоз не беспокоит?

– А что это?

Главврач снова кивнул:

– Значит, не беспокоит... Жаль...

– В каком смысле жаль? – не понял я.

Розендорф улыбнулся и объяснил:

– Нет, это, конечно, прекрасно, что у вас нет дисбактериоза. Просто я занимаюсь этой болезнью уже длительное время. Так что мог бы вам существенно помочь, если бы оказалось, что она вас беспокоит...

– Спасибо, не беспокоит...

Главврач куда-то надавил, постучал:

– Что-нибудь чувствуете?

– Нет, – мне уже было неловко занимать время специалиста, и я сказал, – Наверное, не стоит меня осматривать. Я ведь, в общем-то, здоров.

Но тут главврач покачал головой:

– Это уж нам, докторам, решать: здоров – не здоров. Присаживайтесь...

Я послушно сел на стул:

– Ну, чего вам со мной возиться. У главного врача, наверное, других забот полным-полно.

– Полно, полно, – закивал Розендорф, – но без постоянной врачебной практики настоящему врачу никак нельзя. Каждый день хотя бы с одним больным нужно поработать.

– Да я же не больной.

– Может быть и не больной, – почти согласился главврач. – Выздоровливающий вам больше нравится? Или просто отдыхающий... Но все равно, как ни назвать, мы будем заниматься вами самым пристальным образом. Наверное, уже знаете, что кроме вас пока в санатории есть еще всего несколько человек. Мы же только-только открываемся. Вы у нас первые больные, в смысле, выздоравливающе-отдыхающие. Поэтому вам особые, – он улыбнулся, – честь и почитание. Вот будет здесь пара сотен человек лечиться-отдыхать, так вы еще записываться будете на прием к главврачу.

– Я не буду.

Розендорф продолжал улыбаться:

– Ну, разумеется, журналиста, да еще из такой газеты, да еще и по старой памяти я приму вне очереди...

– Читаете нашу газету?

– Конечно, – кивнул Розендорф, – На «Медицинском вестнике» свет клином не сошелся. Врачи, знаете ли, тоже люди. И им, как ни странно, хочется знать, что вокруг них в обычной жизни дается... Так, вот и давление у вас померили. В норме. Осталось только выписать вам направление на анализы...

Я возразил было:

– Да не нужно мне никаких анализов.

Но главврач строго посмотрел на меня:

– Не возражайте. Вам, может быть, и не нужно, но мне вот нужно обязательно.

– Зачем?

– А если с вами здесь случится что-нибудь? Кто будет виноват? Розендорф? Он не досмотрел? Угробил журналиста.

Я махнул рукой:

– Хорошо, выписывайте.

Розендорф сел за стол, взял в руки бумагу, ручку:

– Вот и договорились. Проверим вас, так сказать, всесторонне. Если нужно будет, подлечим. А пока попейте водичку нашу лечебную из источника – практически от всех болезней помогает, а также усталость снимает и нервы успокаивает. Даже у здоровых людей...

Я согласился:

– Попью непременно. Усталость снять и нервы успокоить – вот это мне подходит.

– Пейте-пейте на здоровье... – главврач принялся быстро чиркать по бумаге, – Ну, и процедуры вам всякие приятные назначим: массаж, ванны, душ опять же минеральный... Спите побольше, хорошо кушайте – у нас кухня замечательная. Шеф-повар будет рад появлению еще одного ценителя его кулинарного творчества... Гулять не забывайте на свежем воздухе. Можно в городском общекурортном парке. Или у нас на территории. Мы ее неплохо озеленили... Да, если вам по делу потребуется что-то из офисной техники или коммуникаций, то у нас в санатории есть собственный современный бизнес-центр...

– Замечательно.

Розендорф нажал кнопку на столе:

– Давайте я познакомлю вас со своей помощницей Инессой. Она покажет вам все на территории санатория...

– Спасибо, доктор.

Через минуту в коридор вошла невысокая, но стройная рыжеволоска в белохалатной обертке:

– Вызывали?

Розендорф кивнул:

– Покажите, пожалуйста, нашему гостю территорию санатория.

Инесса улыбнулась:

– С удовольствием.

И я с удовольствием вышел за ней. Ну, очень стройная фигурка...

По ходу нашей ознакомительной прогулки Инесса поворачивала свою головку то налево, то направо:

– Лечебные и процедурные кабинеты... Бассейн... Столовая... Бар... Теннис-корты...

Вся территория хорошо охраняется... А вот там наш сад...

Я перевел взгляд с бедер Инессы на зеленый уголок:

– Да, сад у вас прелестный...

Инесса обернулась и сверкнула такими же белоснежным, как и халат, зубками:

– Нравится?

– Очень.

Она довольно продолжила:

– По генеральному плану сад должен был быть меньше, но я настояла его расширить. Ведь нашим пациентам будет так приятно уединиться в нем с книжкой или газетой. Покой очень способствует выздоровлению. Видите, здесь даже скамейки все разных размеров. Те, что подальше от входа, для одного человека, ищущего уединения. Чуть ближе – для двоих. А на краю сада на скамейке целая компания разместиться может.

– Здорово придумано.

– Спасибо, – Инесса завертела головой, – Вот, пожалуй, пожалуй, это и... Да, я же вам еще бизнес-центр не показала. Пойдемте.

Она привела меня в большую, пахнущую свежим ремонтом комнату:

– Вот только что все работы закончили. Вдоль стены компьютеры с интернет-доступом... Вот факс, если вдруг потребуется... В углу копировальный аппарат. Он очень мощный, но его еще не совсем отрегулировали. Механик должен сегодня подойти и вроде бы уже совсем окончательно настроить. И всем этим вы можете свободно пользоваться в часы работы бизнес-центра.

Мы вышли в коридор. Над одной из дверей была табличка «ВИП-зона». Я поинтересовался:

– А там что?

– Там? – на мгновение задумалась Инесса, – Там... Там действительно «вип-зона». Территория для особо важных пациентов. Для высших чиновников, политиков, богатых бизнесменов...

Я поглядел по сторонам:

– Что-то ни одного пока не видел.

Инесса рассмеялась:

– И не увидите. Доктор Розендорф, наверное, говорил вам, что мы совсем недавно открылись. Вы один из наших самых первых клиентов. Совсем скоро их будет очень много. Но сначала мы проведем здесь съезд полномочных представителей всех дочерних предприятий нашей «Медозы». Подведем итоги, утвердим планы компании. Сами, конечно, отдохнем немного. Ну, а потом уже распахнем двери для гостей, пациентов...

Так вот почему нашей газете такой бонус выпал, наконец, понял я. Санаторий у них так и так пустой стоит. Чего бы журналиста из хорошей газеты не прикормить. Авось пригодится. Впрочем, мне-то что за дело – расслабляйся, отдыхай!

Мы попрощались с Инессой.

– Спасибо за экскурсию.

– Пожалуйста. Приятного отдыха.

– Надеюсь, мы еще увидимся.

– Конечно, – кивнула Инесса, – вы здесь со всем персоналом санатория будете по несколько раз в день сталкиваться...

– А мне не нужен весь...

Вернувшись в номер, я позвонил в Москву главному редактору:

– Добрался... устроился... все замечательно...

Позвонил и отключил телефон. Все. Больше меня нет. Ни для кого, ни для чего. Я отдыхаю.

Давно я не спал так крепко. Безо всяких тревожных снов. Просто ложусь и тут же засыпаю. А утром сладкомедленно просыпаюсь. Не торопимый. Никем. Ничем.

И днем мне никто особо не докучал. Розендорф после еще одной встречи оставил меня в покое. И слава богу. Мне совсем не улыбалось, чтобы врач изводил меня лекциями о всяких дисбактериозах, лекарствах, методах лечения и последствиях недооценки такового.

И чертовски замечательно, что из-за малочисленности отдыхающих в «Медозе» я сидел за столом в столовой один одинешенек. И очередей на ванны и массаж не было. И бассейн, когда я туда приходил, был в полном моем единоличном распоряжении. И только у общекурортного источника минеральной воды до меня доносились обрывки разговоров про сахар в крови, качество клизмы, цвет мочи. Вот, ведь, делать им нечего – лечат, лечат друг друга без усталости:

– А я химии не доверяю, только натуральные средства...

– Значит, слушайте меня внимательно. Надо ранним утром, когда солнце только-только встало, сорвать лопух...

– Да не лопух, а зверобой!

– А еще лучше пижму!

– Не слушайте вы их! Только Золотой корень!..

С виду симпатичная тетечка... Вроде разумный дядька... А с этой девушкой можно было бы и роман санаторно-курортный закрутить, но и она тоже лечит:

– Я по себе знаю, что лучше крушины для этого ничего не подходит. Но настой нужно в правильной пропорции делать. Берем литр кипятка...

Я бежал от этих народных целителей, как от зачумленных. Лишь мимолетные встречи с рыжеволоской Инессой, спящей, видимо, по своим предсъездовским делам, приносили мне удовольствие. Пожалуй, хотелось бы видеть эту девушку почаще. И поближе...

Прямо рядом со своим санаторием в городском парке я нашел спортплощадку, где играли в волейбол нормальные, не заикленные на болезнях люди. В веселой разношерстной и разновозрастной компании с удовольствием колотили по мячу:

– Блок! Блок ставь!

– Тащи!

– Наша взяла!!!..

Меня без проволочек приняли в самообразовавшуюся команду:

– С таким-то ростом...

Вечером после массажа, ванн, бассейна и волейбола, как и все отдыхающие, я прогуливался по аллеям парка. Немного отъевшись и отоспавшись, заглядывающийся на Инессу и на дефилирующих курортных я вспомнил об оставленной в Москве Веронике.

Вероника, Вероника... Мы жили вместе уже три года. Симпатичная неглупая девушка. Готовит замечательно. Порядок в моей квартире поддерживает. На выставки современной живописи выводит. Всегда под рукой. С ней все просто и очень удобно. Очень удобно. Но я почему-то никак не решался жениться на ней. Также как прежде на Зое, на Марине...

Вот и с Вероникой все тянул и тянул:

– Поговорим об этом позже...

...

– Месяц назад ты обещал поговорить...

– Вот закончу расследование...

...

– Ты обещал поговорить после того, как закончишь расследование...

– Вот отпишусь по командировке...

...

– Ты обещал...

– Я обещал. Но позже, позже, позже...

Мне не хотелось думать о нашем будущем. И я не думал о нем, и не говорил. А Вероника, похоже, подозревала, что у меня, кроме нее, есть кто-то еще. Я ведь постоянно задерживался в редакции, приходил домой ночь-заполночь, а то и вовсе не приходил сутками. А еще часто мотался по недельным командировкам.

Вероника не упрекала. Она просто плакала. Встречала с красными глазами. С опухшим личиком. Она терпела. Она ждала. Она надеялась. Месяц за месяцем. И уже год за годом...

И я все это время на что-то надеялся. На что?

Когда из-за проблем с братьями Карамазовыми пришлось перейти на конспиративное положение и сказать Веронике о том, что некоторое время нам лучше не видаться, она, видимо, решила сменить тактику. Вероника закатила мне грандиозный скандал:

– Ты... Я... Для тебя... Столько ночей... А ты... А ты... А ты...

А я, совершенно обалдевший от увиденного и услышанного, не нашел ничего лучше как указать ей на дверь:

– Прощай.

Вероника ушла. В слезах. Второпях что ли забыв в прихожей сумку с вещами...

Я и думать о Веронике не думал, когда работал над «Алюминиевой смертью» на конспиративной квартире. Жарил себе яичницу, грязные вещи просто бросал в кучу и писал, писал, писал.

И в поезде не думал. Но вот теперь, теперь я смотрел на попадающихся мне на аллеях и лавочках девушек-дамочек. Смотрел на них и думал о Веронике. Конечно, она была симпатичнее всех этих дефилирующих. Будь Вероника сейчас здесь, мы бы, вполне возможно, помирились. Нет, мы бы точно помирились: «Я виноват... Я виновата...Трам-пам-пам...»

Но Вероники под рукой не было. И отоспавшийся, приходящий в себя после столь продолжительного утомительного труда мужчина все пристальнее вглядывался в попадающийся в поле зрения женский пол. И не находил ничего лучше Вероники. И тогда задумывался: «Инесса? Взять и банально пригласить ее в кафе?»

При парке было одно очень симпатичное. Держал его Самсон – крепкий и, на первый взгляд, очень простой мужик:

– Проходи, дорогой. Покушать? Попить? Все очень вкусно. Все свежее, все здоровое. Брат с семьей все своими руками выращивает. Нигде такого не попробуешь. Только у Самсона. Садись. Вот сюда садись. На лучшее место садись...

Он не кривил душой, когда расписывал свое угощение. Действительно, готовили у него замечательно. В столовой «Медозы» все было более изыскано, но здесь – просто вкусно. Огурчики благоухали и хрустели, сочные помидорчики взрывались под зубами сладким соком. Верилось, что это было вазправдишное домашнее производство.

Кафе так и называлось «У Самсона». Я брал зелено-красное ассорти. Ну, и кружечку пива. Сначала с удовольствием хрумкал. Потом поцеживал горьковатый напиток и с профессиональным любопытством рассматривал окружающих. Замечал среди них уже знакомых мне людей, виденных где-то в здешних окрестностях днем-двумя раньше. Вот мужчина за соседним столиком, как и я, видимо, приходил сюда каждый вечер. Он никуда не спешил – с удовольствием распивал стаканчик сухого красного под шашлычок. Шуршал газетой. Или просто сидел о чем-то задумавшись.

Мы виделись с ним и в другом месте. На волейбольной площадке. Там, несмотря на свой солидный возраст – лет так 50–55, он был едва ли не лучшим. И подавал здорово, и принимал, и блоки ставил, и удары ему удавались на славу. Не мудрено, что его все время переманивали в противоположную команду:

– Запалин, переходите к нам!

– В следующий раз обязательно.

– А мы вам еще и не отдадим такого игрока...

Сегодня мы играли с ним в одной команде. Так что вечером в кафе, сидя за соседними столиками, поприветствовали друг друга уже как старые знакомые:

– Добрый вечер.

– Рад видеть.

Поглядывает на часы. Кого-то ждет. Я улыбнулся:

– За вас на площадке так болеют. Вы пользуетесь большим успехом у женщин. Даже завидно.

Он тоже улыбнулся:

– Сам себе завидую. Женщина, вино, шашлык, лепешка... Не так давно я об этом и мечтать не мог.

– Болели?

– Болел.

Мы замолчали. Очевидно, ему, в отличие от большинства санаторных окружающих, не очень-то хотелось говорить о своих болезнях. Так же, как и мне, о болезнях чужих слушать. Хотя сам этот человек, так непохожий на прочих «оздоровляемых», без сомнения был мне интересен. Профессиональное чутье подсказывало, что за Запалиным явно скрывается какая-то история.

Я прервал молчание:

– Выздоровели?

– Выздоровел.

И снова пауза.

– Вот и я тут отосплюсь, отьемся и тоже буду совсем здоров, годен к продолжению трудовой деятельности.

Он вежливо поинтересовался:

– А кем вы работаете?

– Журналист.

В глазах Запалина зажегся огонек интереса:

– Журналист... Знаете, а я вот промышленный дизайнер, но одно время думал о вашей профессии. Даже хотел переквалифицироваться. Но потом решил, что ради одной статьи едва ли стоит это делать...

– А какую статью вы хотели написать?

– Да я ее в общем-то и написал. Вот как раз о своем выздоровлении.

Вот ведь, ошибся я, что ему не хочется говорить о болезнях...

– Думаете, многим ваша статья будет интересна?

Запалин улыбнулся моему скептицизму:

– Видите ли, мне хотелось рассказать не столько о себе. Сколько о том, кто и как нас лечит. Или пытается лечить... Оказывается, человек подчас может вылечиться не благодаря врачам, а вопреки им... Моя история могла бы помочь многим больным и врачам их лечащим. Больно думать, что от точно такой же болезни совершенно безвинно кто-то страдает. И еще долгие годы будет страдать. Пока, наконец, какой-нибудь врач не разберется, не разложит все по полочкам, как это сделал я. А потом пока это опубликуют в научных журналах (если опубликуют). Пока доведут до уровня лечащих врачей (если доведут). За это время сколько людей потеряют здоровье или даже саму жизнь...

– И вы действительно думаете, что можете помочь им избежать страданий?

Запалин серьезно посмотрел на меня:

– Я всегда считал себя достаточно трезвым человек. Да, я не врач. Но в данном случае, возможно, этот факт и имел определяющее значение. Я не был в плену шаблонов. Ни на йоту не сомневаюсь, что кому-то вполне могу помочь избавиться от физических страданий. И еще кому-то помогу облегчить моральные муки – человеку должно быть по крайней мере понятно, что с ним происходит...

Я предложил:

– Может, стоит вашу статью в интернете выложить?

Запалин поморщился:

– Если так просто, на своей страничке или в своем дневнике опубликовать, то слишком мало людей прочтает. Знаете, сколько в интернете разных советов, рекомендаций, рецептов от всех болезней на свете... Нужен же еще и авторитетный источник информации. А вы в какой газете работаете?

Я назвал.

Он кивнул:

– То, что нужно. Большая, известная газета. Я хочу, чтобы это было обязательно опубликовано, – он протянул мне школьную желтую тетрадку, – Когда первую запись делал, то под рукой вот эта оказалась чистая... сына... Может быть, посмотрите?

Я вздохнул. Сколько за свою журналистскую жизнь мне пришлось перечитать и таких вот бумажных, и электронных писем, заметок, статей читателей. Страшно вспомнить. Редко, когда среди них есть действительно что-то стоящее, интересное. Ведь здравые люди очень редко пишут в газету. Большинство присылаемых материалов – это просто бред психически не совсем здоровых людей.

Я мысленно ответил Запалину: «Да, все хотят что-то свое опубликовать, только вот кому эта писанина интересна...»

Но я ничего не сказал. Не хотелось обижать хорошего, судя по всему, человека. Но и читать про какие-то болезни, так же, как и слушать, мне совсем не хотелось. Я колебался: взять или все-таки как-нибудь отговориться. Мол, некогда. Или, что доктор рекомендовал мне некоторое время утомленные компьютером глаза поберечь, ничего не читать...

И тут в кафе вошла девушка. Какая девушка! Высокая, почти в мой волейбольный рост. С очень достойной грудью. Какие изящные бедра! А вырез на длинном платье очень смел. Очень смел.

Девушка, не спеша, обвела кафе взглядом. Наши глаза встретились, и она задержала свой взгляд на мгновение. Тут же к девушке подскочил хозяин заведения:

– Проходи, красавица. Покушать? Попить? Все очень вкусно. Все свежее, все здоровое. Брат с семьей все своими руками выращивает. Нигде такого не попробуешь. Только у Самсона. Садись. Вот сюда садись. На лучшее место садись...

Я не отрывал от нее взгляда.

Самсон проводил девушку к свободному столику. Она заказала кофе. Поигралась с сумочкой и косметичкой.

Запалин что-то говорил, объяснял мне. Я делал вид, что слушаю. Но мне ничего не шло в голову. Я смотрел на эту девушку. На ее лицо. На аккуратный носик. На длинные дьявольски-черные волосы. На узкие ладони. На, без сомнения, нежные пальцы. На бедро, нахально озирающее из выреза.

Она, не спеша, помешала сахар в кофе. Аккуратно положила ложечку на блюдечко.

Она, не спеша, сделала первый глоток. Одобрительно кивнула. И я был с ней согласен. У Самсона подавали замечательный кофе.

Все также не спеша, она просмотрела меню. Чему-то улыбнулась. Самсон был тут как тут:

– Что-нибудь еще закажете? Все очень вкусно. Все свежее, все здоровое. Брат с семьей все своими руками выращивает. Нигде такого не попробуешь. Только у Самсона...

Она снова улыбнулась:

– Спасибо. Я выпью только кофе...

Алые, спокойные и такие волнующие губы. Легко, чутко прикасаются к маленькой кофейной чашке. Глоток. Губы сомкнулись. Пауза. Разомкнулись. Еще глоток. Пауза. Еще... Сомкнулись... Разомкнулись...

Я не мог удержаться. Я смотрел, да я во всю пялился на нее. Вероника-Инесса, гуд бай!

А она вновь, не спеша, осмотрела кафе. И вновь наши глаза встретились. И вновь она задержала взгляд на мгновение.

Кажется, я начал бессознательно приподниматься со своего стула, но тут мимо нас с Запалиным кто-то прошел. Прошел прямо к столику этой девушки. Подсел к ней. О чем-то заговорил. Она улыбнулась.

Она здесь не одна. Какая досада, Вероника-Инесса...

Она не просто улыбается. Она смеется. Какой приятный смех...

Я перевожу глаза на Запалина. Но какое-то движение за ее столиком возвращает мой взгляд обратно. Девушка машет рукой. Прощально. Тому, что подсел к ней. Эх, Вероника-Инесса...

А он, похоже, не очень-то хочет уходить. И я бы не хотел от такой девушки. Но она уже не улыбается и настойчиво указывает ему пальчиком в сторону. И бросает взгляд на меня. Точно на меня. Без сомнения на меня. И я напрягся. Я готов подскочить и в момент помочь ей освободиться от занявшего не свое место. Но он уходит. И она снова одна. Надолго ли?

Она отодвинула чашку. Достала из сумочки кошелек, деньги, пошла на выход.

Какой походкой! Застыл в дверях кухни Самсон. Присутствующие мужчины с дамами и без – все, как один, смотрели вслед. Плавным покачивающимся линиям. Белому гипнотически мелькающему сквозь разрез на длинном платье. В такт: раз-два, раз-два...

Я обратился к Запалину:

– Знаете, мне, кажется, нужно идти...

– Так вы посмотрите?

Я был согласен на все что угодно:

– Да-да, конечно...

Я выскочил из кафе, свернул на аллею. Она шла не спеша. Я легко догнал ее.

3

Я проснулся в шикарном настроении. Тело приятно ныло от массажа, от ванн, от волейбола. В голове приятно вспоминалось о прогулке с Анной. Ее звали Анна. Анна. Анна из санатория «Янтарь»...

Мы прошли по главной аллее парка.

– Я из Москвы.

– И я из Москвы.

Мы прогулялись по боковым дорожкам.

– Я здесь еще всего несколько дней.

– Я тоже только начинаю осваиваться.

Мы еще прошли и прогулялись. Выяснилось, что она уедет из Минеральска немного раньше меня. Но у нас есть время...

– Я журналист.

– Я знаю.

– Откуда?

– Такая у меня работа.

– Какая у тебя работа?

– Особая.

– Особая?

– Очень.

– Не хочешь ли ты сказать...

– Хочу.

– Правда?

– Конечно, нет.

Она смеется. И я смеюсь:

– Ты пошутила!

Она встряхнула своей черной гривой:

– Пошутила. Но мой брат действительно работает в особой службе, где знают все про всех. Вот я и навела справки о тебе.

– Так быстро. Ты же даже не знаешь моей фамилии.

Она достала из сумочки телефон со встроенной камерой:

– А я еще в кафе за столом незаметно сфотографировала тебя и переслала брату. Он пробил твои внешние параметры по банку данных и вот прислал мне обратно на телефон информацию по тебе. Вот тут так и написано: «Журналист.»

Но меня голыми руками не возьмешь:

– А в какой газете я работаю?

Она принялась разглядывать телефонный экранчик:

– Почему-то данная информация отсутствует.

Я кивнул:

– Значит, опять шутишь.

– Шучу. – бросила она телефон в сумочку.

И мы снова прошли по главной аллее парка. И по боковым дорожкам.

Чудо, а не девушка. Не только красивая, но и умная. Не только умная, но и очень свободная, легкая. С ней было приятно болтать. С ней было приятно молчать. ка. ините, выход. встретились и она задержала взгляд на мгновение. улировали... С ней было приятно просто быть. Рядом. Несмотря на дистанцию чувствуя тепло ее тела. Приятный аромат ее дерзких и одновременно неназойливых духов.

Я проводил ее до «Янтаря». Хотел поцеловать у входа в санаторий, но Анна остановила меня:

– До завтра...

До сегодня...

Я сладко потянулся в кровати. В мягкой огромной кровати, где слишком просторно одному.

Завтрак. Бассейн. Массаж. Вот и обед. И еще полдня до нашей встречи с Анной. У Самсона. На том же месте в тот же час.

Нужно скоротать время. Поиграть в волейбол, если на площадке кто-нибудь есть? Или просто погулять по парку? По тем аллеям, где мы были вчера? С Анной.

Я снял с вешалки свою летнюю куртку. Взялся было за ручку двери. Но не открыл ее. Сквозь тонкую ткань куртки пальцы нащупали что-то необычное. Во внутреннем кармане обнаружилась желтая тетрадка. Та, что мне вчера дал Запалин. На обложке четким красивым почерком выведено: «История одной болезни».

О, нет! Читать эту тетрадку совсем не хотелось. Мне это было явно не интересно. Особенно сейчас. У меня есть и о чем более приятном подумать. Я уже думаю. Я только и делаю, что думаю. Думаю. Об Анне. Об Анне...

Я вздохнул. Нет, обижать Запалина не хотелось. Тем более что у меня сейчас столько свободного времени. И я решил – почитаю немного и верну с чистой совестью, уже без всякого сомнения, что для публикации в нашей газете это не подойдет.

Я бросил куртку на кровать. Себя – в кресло. Вздохнув, раскрыл тетрадь на первой странице:

«Господи, что со мной?

Утром я чуть ли не бежал на работу: так живот прихватило на полпути. Влетел и сразу не к рабочему месту, а в туалет. И вроде полегчало. Да, пустяковое дело. Ну, с кем не бывает. Что-то, наверное, не то съел на завтрак. Хотя, надо же, в приличном магазине продукты покупаем, от приличной компании, с указанным нормальным сроком годности.

После обеда поход в туалет повторился. В нашей корпоративной столовой кормили вполне достойно. И ел я вроде все то же, что ем обычно.

Вечером дома я поужинал осторожно, и жена удивилась:

– Что-то ты не ешь ничего.

Результат все тот же...

Жена достала таблетки. Я послушно съел. Но лучше не стало. Ни на первый день, ни на второй. На третий жена вынесла вердикт:

– Иди к врачу.

Тянул еще несколько дней. Но лучше не становилось. И хуже особенно тоже. На скорую не тянуло – аппендицит у меня вырезали еще в школе, температуры не было, и ходил я на своих двоих, как вполне здоровый человек. Вот только стараясь не отдаляться от туалета...

Иди к врачу... Это же надо ломать привычный график, сдвигать все дела на работе. Но проблема сама собой явно не решается. Иду...

Отпросился с работы. Угрюмо вошел в поликлинику. Длинные коридоры. Очереди у кабинетов. Бабульки и дедульки, которым, видимо, по возрасту положено проводить в этих застенках свое свободное пенсионерское время. Немного молодежи с лицами, перепуганными напастью или подозрением на нее. На этих лицах так же, как и на моем, написано: «Я не больной! Это временно, это случайно...»

Вот и нужный мне кабинет: «Врач-гастроэнтеролог Егорова».

– Раздевайтесь до пояса.

Щупает, щупает мой живот. Читает историю моей болезни, хранящуюся в поликлинике. В ней вся моя жизнь: детские коклюши, ангины, прививки, электрокардиограммы и рентгеновские снимки, что-то из взрослого периода. Я и не помню всего, что там записано. Заходил по случаю в больницу и забывал потом, когда проблема решалась. Вот и сейчас мне помогут, и опять можно будет забыть про поликлинику с ее бабульками и дедульками, с ее отвратительным медицинским запахом.

– Что со мной?

– Колит.

– Колит? Почему? Отчего?

– У вас же вот в истории болезни записано: «ЖКБ»

– ЖКБ?

– «Желчно-каменная болезнь»...

Точно, вспоминаю лет пять назад у меня заболел правый бок. И не эта Егорова, а какой-то другой врач сказал, что так дает знать о себе желчный пузырь. Выписали мне какие-то таблетки, назначил диету. И все потом, как мне казалось, прошло. Значит, не прошло...

– И что теперь делать?

– Вот вам рецепты, принимайте препараты...

В аптеке выдали все, что прописали: антибиотики, пробиотики и еще какие-то «отики». Я исправно прошел курс лечения и пришел к Егоровой на повторный прием.

– Легче стало?

– Как вам сказать... Вроде легче, но, знаете, все равно как-то очень плохо.

– Вот вам новый рецепт.

Я послушно выпил и новые лекарства, но окончательно порядок в моем животе все никак не восстанавливался. Днем на работе я как-то меньше обращал внимание на внутреннее, только мне слышимое бурчание. Но вечером... Весь дом засыпал. Засыпали соседи, жена, дети. Лишь в моем животе полное бодрствование: что-то булькало, откуда-то куда-то перетекало, мешало расслабиться, забыться. И в голове крутилась одна и та же мысль: что же это такое случилось? Что со мной?...

Я оторвался от тетрадки. Да уж, история, конечно, весьма увлекательная... Но до встречи с Анной еще столько времени...

«Снова идти к Егоровой не хочется. Она ведь мне так и не помогла толком.

Иду к другому врачу с прежним вопросом:

– Что со мной?

И ответ прежний. И ничего нового он мне не выписал. Тот же диагноз, те же лекарства «...отики, ...отики, ...отики» и те же рекомендации:

– Не есть жирного, жареного, копченого, дробное питание.

М-да, лишать себя стольких удовольствий...

– Это надолго?

– Это на всю оставшуюся жизнь...

А сколько это – вся оставшаяся жизнь?...

...

И вот прошел один месяц, второй, третий, а улучшений никаких. И общение с еще одним новым врачом оказалось все столь же безрезультатным. Здесь явно что-то не то, что-то не так. На дворе 21 век. Должно же быть какое-то лекарство от моей, наверное, не самой страшной болезни? Должен быть какой-то способ вернуть меня обратно к нормальному человеческому состоянию? Кто и как мне еще может помочь?...

...

Прочитал в интернете пару десятков разных статей и, в общем-то, представил себе свою напасть. И согласился с врачами, которые меня лечили:

– Похоже, выписали мне все лекарства правильно...

Но если все правильно, то почему же болезнь не отступает?

А вот по телевизору рекламируют капли, которые никто мне не выписывал. Может быть, это и есть то новое современное лекарство, которое врачи просто еще не успели внедрить на уровне районных больниц. Вдруг эти капли-то и помогут?

...

В первые дни, как стал принимать капли, почувствовал прилив сил. Мне показалось, что я начинаю выздоравливать. Но потом все стало как раньше: в животе крутит и вертит, и нет мне покоя...

...

И вот уже прошел год как я разболелся. И уже практически год как лечусь. И лечусь без толку. Столько времени и нервов на врачей потратил. И еще сколько денег на лекарства. И все без толку, без толку, без толку. Стало не только не лучше, но хуже. Теперь не только плохо засыпаю, но и сплю отвратительно. Просыпаюсь ночью и мрачно слушаю бурчания и переливы в моем животе.

Спокойно спит жена. Спят дети. Они не подозревают, что, возможно, через какое-то время меня с ними не... Наверное, уже совсем скоро. Господи, как же мне нехорошо! Господи, что же это со мной?...

А утром все кажется не так мрачно. Утром хочется жить, хочется бороться за себя. Утром верится, что может быть все не так уж страшно. И мысли приходят в голову более оптимистичные. Пью новые лекарства, каких-то особенных изменений в самочувствии не замечаю. В пору отчаяться...

...

Поехали с женой отдыхать на море. Оторвались от работы, от домашних будней. Так мне было хорошо от морского воздуха. И от запаха сосен в бору, куда мы ходили гулять. В голове стало меньше мрачных мыслей. Я засыпал быстрее. И спал крепче. Но стоило выпить кружку пива и так, блин, скрутило. Что со мной?...

...

Вернулись с моря загорелыми. Жена веселая, жизнерадостная. Строит какие-то планы по жизни. А у меня снова все мысли о животе, о желчном пузыре, о печени, о том, как тяжело придется моей семье жить без...

Долго думал, но сходил еще к одному врачу. Тот послушал, посмотрел, прописал. Все то же, что и предыдущие врачи. Что ж мне, так и жить весь остаток жизни? В пределах прямой видимости туалета...»

Я посмотрел на часы. Еще чуть-чуть почитаю и пойду:

«И вот уже два года, как я болею. А улучшений все по-прежнему никаких. Может, это просто возраст? Кто-то же из врачей сказал, что до 30 лет организм справляется со всеми нагрузками, а вот после начинают вылезать все болячки, наследственные предрасположенности. И может, мой желчный пузырь и есть эта самая предрасположенность. И может, действительно вся моя оставшаяся жизнь так и будет одним сплошным мучением?...

А все радуются новому лету. А мне не радуется, совсем не радуется. Вот и по мужской части что-то у меня не так стало. Как-то некомфортно начал себя чувствовать. И главное, с чего бы? Никаких левых контактов. Да, в общем и не помню, когда это началось. Обратил вдруг внимание. И пошел к врачу.

Сдал анализы. Все в порядке. Врач сказал:

– Ничего страшного: банальная инфекция. Вот антибиотик и мазь. Через десять дней должно все пройти.

Пропил выписанное лекарство. Промазался. Прошло. Вроде...

Через пару недель внизу та же история – некомфортно...

Опять пошел к тому же врачу. Тот пожал плечами:

– Давайте попробуем другое лекарство.

Попробовали. Прошло. Вроде...

И через пару недель внизу все та же история – некомфортно. Да, в конце-то концов не стоит на это и внимание обращать. Не самая страшная неприятность. Гигиену соблюдать, как и раньше до врача, буду, а все эти лекарства побоку. Улучшений от них нет. Наоборот – от всех этих процедур такое чувствительное место совсем ничего не чувствует. Чего ж себе уменьшать приятные ощущения. У меня их и так немного осталось. От еды уже удовольствия не получаю, потому что она мне одно расстройство причиняет. Сон, превратившийся в полубред, – тоже сплошное мучение. Только во время секса и отвлекаюсь от неприятных ощущений, от мрачных мыслей...»

Я закрыл тетрадь. Сунул в карман куртки. Конечно, все, как я и предполагал. Дневник больного человека. Но кому, кому он может быть еще интересен, кроме самого Запалина? Ну, разве что какому-нибудь психиатру? Все эти больные одинаковые психопаты, одержимые мыслью, что на них весь свет клином сошелся. Что их личность, их болезненные переживания интересуют абсолютно всех.

Конечно, жалко, жалко было Запалина. Казалось бы, здоровый человек, а туда же в писатели рвется...

Что ж, верну тетрадку. Из вежливости скажу, что прочитал. Что все это очень любопытно. Но, мол, тематика не нашей газеты. И напечатать, к сожалению, не сможем. Посоветую ему обратиться в «Медицинский вестник» или в «Здоровье для всех». Отболтаюсь в общем. Как-нибудь. В конце концов не в первой.

Погоуляв немного по аллеям, я все равно пришел в кафе немного раньше, чем мы договаривались с Анной. Немного раньше. Достаточно, чтобы вернуть тетрадь Запалину. И достаточно, чтобы развить с ним разговор на больную тему.

Однако Запалина в кафе не оказалось. Я уже привык его видеть «У Самсона» за одним и тем же столиком. Но сейчас этот столик был пуст.

Не к спеху. Чем больше мы не видимся, тем больше Запалин будет уверен, что я действительно прочитал его историю.

Но вот и Анна! Боже, как же она хороша. Повезло мне. Ой, повезло!

– Самсон, дай нам лучшего вина твоего брата!

– Пожалуйста, дорогие! Пожалуйста, красивые!

Красное. Чуть терпкое. Мы пьем, потягиваем, смакуем его молча. Кажется, мы знаем, что нас ждет.

– Чудесная погода.

– Это ты верно заметил...

А напряжение с каждой минутой возрастает. И я не выдержал первым:

– Идем?

– Идем.

Она не спросила, куда и зачем. Я видел ответ в глазах посетителей кафе. Они провожали нас завистливыми взглядами.

Когда на выходе из кафе я пропустил Анну вперед, подошедший Самсон сказал мне на ухо:

– Шикарная девушка.

Я кивнул:

– Согласен.

Самсон отчего-то вздохнул.

До «Янтаря» было ближе, чем до «Медозы». И мы пошли к Анне. Шли молча. Держась за руки. Сжимая пальцы друг друга. Чем ближе к санаторию, тем крепче.

Открылась и закрылась дверь ее комнаты. Какое гибкое и страстное тело. Сбросив с него лишнее, я целовал все подряд. Я целовал ее всю.

Нежные и сильные губы Анны. Они целовали. Меня. Всего.

Мы не спешили, мы всячески растягивали наслаждение.

А потом был ее стон-крик. И мой. И мы лежим совершенно отрешенно. И я слышу свое сердце. И ее. И, кажется, еще чье-то. Очень громко:

– Бум-бум-бум... Бум-бум-бум...

И снова:

– Бум-бум-бум... Бум-бум-бум...

И голоса откуда-то из потустороннего мира:

– Что случилось? У вас все в порядке?

Анна шепнула:

– Здесь очень тонкие стены и двери.

Мы возбудили соседей:

– Что случилось? У вас все в порядке?

Анна, смеясь, уткнулась мне в шею.

– У нас все в порядке. У нас все замечательно.

И я постучал в стену:

– У нас все в порядке. У нас все просто распрекрасно...

4

И новый день был прекрасен. И новый...

Все свободное время я проводил с Анной. Да, ради нее я вообще бы не ходил ни в какой бассейн. Ни на массаж. Ни на ванны. Ничто и никто мне не были нужны. Мы болтали и ласкали друг друга. Ласкали и болтали. А потом я засыпал намертво. А проснувшись, искал рукой Анну. Но она не спешила отдавать мне всю себя:

– Пора, пора... У меня расписаны санаторные процедуры. Вот, посмотри график... И еще мне нужно поболтать с одной здешней приятельницей, а то она обидится. И заглянуть в местный магазинчик...

Я разводил руками:

– Ну я же не дождусь.

Она смеялась:

– Захочешь меня увидеть – дождешься.

Конечно, дождусь. Дождусь. Я покорно плелся на прописанные мне ванны и массаж. Без устали наматывал километры в бассейне. Сокращая время ожидания.

Наконец-то слышу:

– Ну, вот и я.

Бодрая, свежая, легкая, веселая. Я целую ее. Как дурманяще она пахнет. И как-то немного по-другому.

– Вот купила себе новые духи. Тебе нравятся?

– Мне все в тебе очень нравится...

Когда после утреннего расставания мы встречаемся вновь, я уже привычно спрашиваю:

– Куда сегодня?

И она привычно невинно смотрит в глаза:

– Ты решай.

– А хочешь покататься на лошадях?

– А хочу.

– Тогда вперед!

За территорией курорта была конюшня. Я думал, что Анна, как обычный городской житель, будет в восторге просто от того, что можно поглазеть на лошадей да еще их и погладить или покормить какой-нибудь морковкой. Но она тут же забралась в седло:

– Я хочу, я люблю, чтобы мчаться быстро-быстро... Быстро-быстро...

– Да, тебе тогда в автогонщики нужно. В пилоты гоночных болидов...

Анна смеется:

– Ага! Точно! – и так и норовит пришпорить, пуститься в галоп. – Догоняй!..

Она так здорово смотрится на лошади. Они так здорово смотрятся. Она и лошадь. Они гармоничны. В обеих – сила, гибкость, страсть. Две черные гривы развиваются по ветру.

Я люблюсь ими. И с восторгом принимаю в руки спрыгивающую с седла Анну:

– Не догнал! Не догнал!

Разгоряченная, с раздувающимися ноздрями, она крепко прижимается ко мне всем телом:

– Я хочу тебя...

– И я... Тебя... Очень...

Следующим вечером по рекомендации Самсона мы съездили осмотреть хозяйство его брата Георгия, поставляющего в родственное кафе фрукты-овощи. И это хозяйство оказа-

лось немаленьким – несколько полей с пшеницей, кукурузой. А еще бесконечные грядки огурцов, помидоров, перцев, кабачков, морковки... Бахча с арбузами и дынями...

Георгий сам водил нас среди желтого, зеленого, красного и коричневого, гордо рассказывал про различные сорта, устойчивые к вредителям, засухе и заморозкам:

– Местные сорта. От отца к отцу передавались, и я своим сыновьям оставляю, – и еще добавлял, – И никаких здесь нитратов-химикатов. Все на натуральных удобрениях.

Анна зажимала нос, проходя мимо блеющих, мычащих и кудахчущих источников удобрений. Жена, четыре сына и две дочки брата Самсона смеялись:

– Приходите к нам работать – привыкните.

Во дворе Георгия стоял его рабочий грузовичок. Анне очень понравилась эта машина:

– А можно прокатиться?

– Конечно, можно, – великодушно позволил Георгий.

Анна тут же забралась в кабину, озорно глянула на меня:

– Поедешь со мной?

– Я тебя одну никуда не отпущу.

Анна лихо выкатила со двора на полевую дорогу. Насколько это было возможно, набрала скорость. Лихо прошла один поворот. Второй. Пыль так и вилась за машиной.

Я лишь качал головой:

– Ну, ты точно гонщик.

– Ага, – широко улыбалась крепко вцепившаяся в баранку Анна.

Мы остановились в поле. Побродили среди колосьев. И полежали...

Мы вернулись к дому Георгия в сумерках.

– Спасибо, – поблагодарила Анна, – зверь машина.

– Работяга, – похлопал по капоту грузовичка Георгий.

Прямо на улице, за столом под открытым небом мы поужинали с этими простыми, работящими, очень добрыми людьми.

– Господи, как же хорошо-то, – заглядывалась Анна в чистое звездное небо, – Такого в Москве не увидишь.

– Не увидишь, – соглашался я, – И такого вина не найдешь.

– Правду говоришь, – соглашался и Георгий, – Сами делаем. Никаких нитратов-химикатов. Лозу еще мой дед посадил. Мой отец растил. Я сейчас виноград собираю. Сам давлю. Сам выдерживаю. И сам с хорошими людьми пью. Давай еще налью.

– Наливай. Будьте здоровы. Будьте счастливы...

– И вы...

В тот вечер Анну я привез в санаторий совсем пьяную. Не столько от вина, сколько от всего этого вечера – теплого, доброго, какого-то очень настоящего. И я тоже был пьян и добр ко всей вселенной...

А еще мы поехали на какую-то местную экскурсию. Перед глазами мелькали таблички на домах, какая-то древняя утварь, обломки, развалины, люди, открывающие рты в песне и брыкающие ногами в танце...

Мимо сознания проскакивали слова экскурсовода:

– Посмотрите налево – здесь погиб величайший поэт... Посмотрите направо – этот роскошный замок принадлежит... принадлежал недавно расстрелянным братьям Карамазовым, ранее каждым летом отдыхавшим в наших краях... А прямо перед вами памятник древнего зодчества. Вы можете сфотографироваться на его фоне, а также купить сувениры и попробовать чинарики – вкусные семена самого крупного местного дерева...

Мы с Анной целовались. На фоне памятника древнего зодчества. И на фоне сувениров. И под чинарой. Предвкушая конец экскурсии...

И вот я вновь пришел в кафе несколько раньше Анны. Мне уже надоело в самый неподходящий момент наткаться на желтую тетрадку в кармане. Нужно было наконец избавиться от нее. Вернуть хозяину.

Я таскал тетрадь с собой, надеясь встретить Запалина у источника, или на волейбольной площадке или на какой-нибудь экскурсии. Или все-таки в кафе. Но увидеть его все никак не удавалось. Уже несколько дней столик Запалина был то пуст, то занят случайными отдыхающими.

Занести тетрадь ему прямо в санаторий? Он ведь наверняка говорил мне, где живет. Но в тот вечер, когда мы с ним разговаривали о тетради, я глазел на Анну и как-то совершенно упустил переспросить название его санатория. Впрочем, есть человек, который здесь должен все и обо всех знать. Я спросил Самсона:

– Слушай, вот здесь за соседним столиком человек всегда сидел, Запалин его фамилия. Что-то давно его не видно.

Самсон вздохнул:

– Эх, беда у человека. Беда...

– Что случилось?

Самсон развел руками:

– В последний раз, когда он был здесь, то с тобой рядом сидел.

– Да, я помню. Мы разговаривали.

Самсон продолжил:

– Потом ты ушел, а к нему еще двое друзей подсели. Молодые парни.

– Молодые парни?

– Да, крепкие такие, как спортсмены-физкультурники. Один в бейсболке был. Другой – с такой длинной косичкой сзади...

Хотя такое описание мне никого не напоминало, я предположил:

– Наверное, ребята с волейбольной площадки.

Самсон пожал плечами:

– Наверное. Я в волейбол не играю. Знаешь, я футбол смотрю по телевизору.

– И что эти парни?

– Да, ничего. Сидели они вместе долго. Вина заказали. Говорили. А потом ему вдруг нехорошо стало. Побледнел так... Я даже хотел «скорую помощь» вызвать. Но друзья его под руки взяли и в санаторий отвели. Он же в «Пальмире» живет – это совсем рядом.

– Надо же, – не знал, что и думать я.

– Да, – грустно кивнул Самсон, – Наверное, совсем плохо человеку, раз сюда не приходит. Но ты не думай, я им хорошее вино подавал. То, которое ты пьешь. И брат Георгий его пьет. Я сам такое пью.

– Да я ничего про вино и не думаю. У тебя, правда, отличное вино...

Самсон развел руками:

– И что с ним такое? Хороший человек. Жалко...

– Жалко...

Да, до «Пальмиры» действительно был пять минут хода, и я мог вполне успеть вернуть тетрадь Запалину, а затем вернуться в кафе. До того, как придет Анна.

Администратор «Пальмиры» глянула на меня:

– Уехал ваш Запалин. Увезли его.

– То есть как это увезли? – не понял я.

– Да так вот, увезли, – она подняла брови, – Не знаю я подробностей. Если хотите, спросите у нашего главврача.

Тот подтвердил:

– Да, Запалина увезли в Москву. Знаете, на днях ему плохо стало в кафе. Привели его к нам сюда абсолютно пьяного. Он так шатался, что сам идти не мог.

Я покачал головой:

– Странно. Он ведь вроде не увлекающийся. Я не видел, чтобы он больше стакана вина выпивал.

Главврач снял и протер очки:

– Знаете, и мне было странно. Насколько я знаю от самого Запалина, он действительно относится к алкоголю очень спокойно. А тут напиться до такого состояния... Да еще сухим вином...

– Это ж сколько надо было выпить?

Главврач снова одел очки:

– Много. Очень много. Особенно, если учесть, что на утро он не мог вспомнить, что с ним было вчера. И даже то, что было позавчера. И вообще все, что было в его жизни.

Я недоумевал:

– Это как?

– Вот так – полная потеря памяти. Вызвали сюда его жену. Она приехала и забрала Запалина домой. Увезла в Москву.

Я покачал головой:

– Очень странно.

Главврач взял со стола какую-то бумажку:

– Именно очень. Очень странно. Так странно, что я на всякий случай взял анализ его крови. И, знаете, обнаружил еще одну странность.

– Какую?

– В крови Запалина присутствовали явные следы одного современного препарата... Название его, правда, вам ничего не скажет...

Я тут же поинтересовался:

– А что он делает, этот препарат? Для чего служит?

– Видите ли, он как раз воздействует на память. Самым негативным образом. А за одно еще и на вестибулярный аппарат...

Я хмыкнул:

– Им что, удобряют виноградники, и он потом попадает в вино?

– Нет, – качая головой главврач, – это чисто медицинский препарат и в вине его быть не должно. К тому же он очень дорогой и удобрять им виноградники накладно выйдет. И получается он с медицинского склада по специальному разрешению...

– Интересно выходит...

Главврач подтвердил:

– Очень интересно.

Я вновь спросил:

– А память надолго пропадает?

– В лучшем случае не надолго.

– Что значит «в лучшем случае»?

Главврач развел руками:

– Как вам сказать... Вроде бы Запалин должен все или по крайней мере почти все вспомнить. Но будет вспоминать долго и мучительно. Вспоминать все, что с ним было за всю его жизнь. День за днем.

– И сколько у него на это уйдет?

– Месяца за три, а может за шесть, должен вспомнить.

Я почесал затылок:

– И три месяца – это немало.

– Да. И, главное, даже шесть не гарантировано.

Я в изумлении переспросил:

– Как это не гарантировано?

Главврач крутил в руках бумажку с анализом Запалина:

– Да видите ли, препарат хоть и сертифицирован, но уж больно новый. А все побочные эффекты, неожиданные последствия вылезают обычно через несколько лет не экспериментальной, как требуется для сертифицирования, а реальной практики. Так происходит с большинством лекарств. О многих побочных эффектах мы узнаем по статистике жалоб больных после длительного срока применения...

– Но шансы вспомнить себя, свою жизнь у Запалина все-таки есть?

– Есть, есть. – закивал главврач. – Есть. И очень большие. Я лишь говорю, что полных гарантий быть не может. Я и его жене сказал абсолютно то же самое. – Тут он пристально посмотрел на меня, – А вы, собственно, кто? По какому поводу?

– Я? Я – его здешний товарищ. Мы в волейбол вместе играли. Прогуливались. Беседовали. Я вот кое-что у него брал на время и хотел вернуть.

Глаза главврача сверкнули:

– Вы случайно у него не желтую школьную тетрадку брали?

Я чуть было не кивнул. Но отчего-то не стал торопиться с признанием. Взял паузу:

– Тетрадку?

– Да, да, – снова закивал главврач, – обычную желтую школьную тетрадку. Запалин мне ее показывал, даже почитать давал. Очень хотел опубликовать эти свои записи в каком-нибудь журнале или в газете. Так она у вас эта тетрадка?

– Нет, – отчего-то соврал я, – Про тетрадку он мне говорил и тоже показывал. Но мне читать было недосуг. Так что она не у меня.

Главврач искренне расстроился:

– Жаль, жаль, если тетрадь пропала...

– Почему пропала?

– Запалина из кафе привели двое друзей. И они спрашивали меня про тетрадь. Он вроде бы должен был им отдать ее как раз для публикации в каком-то «Вестнике». Они сказали в каком, но я не запомнил точно название. Не до того было.

– Так он не отдал им тетрадь?

– Нет, – покачал головой главврач, – они сказали, что он хотел отдать, но теперь не может вспомнить, куда ее дел. Они приходили и когда его жена приехала. Она специально искала тетрадь для них, но не нашла. Ни в комнате, ни в вещах. Его друзья очень расстроились. Говорили, что чуть ли уже не место для его публикации зарезервировали.

Я засомневался:

– Неужели то, что в этой тетрадке, действительно так уж интересно? Он и мне постоянно пытался разъяснить про какую-то болезнь. Но, если честно, я не большой любитель историй про болезни.

Главврач взмахнул рукой:

– Это понятно... Пока мы сами не заболеем, не очень-то нам нравится говорить о болезнях. Но тетрадка, скажу я вам, была интересная...

– Чем же?

– Видите ли, это очень любопытное описание одной очень серьезной и малоизученной болезни. Там, в тетрадке, знаете, есть очень неприятные упреки в адрес врачей. Но есть и интересные, очень интересные мысли. Я бы сказал глубокие научные мысли. Жаль, что я не догадался сделать копию. Не позаботился – больно уж мне не понравилось там то, что он про врачей говорит. Хотя, если честно, кое для чего основания на то есть... И я об этом и о самой тетради – в смысле о болезни – с другими нашими курортными врачами беседовал.

Знаете, мы даже очень жарко некоторые моменты обсуждали. Очень. Особенно коллега из «Медозы» близко к сердцу высказывания Запалина принял.

У меня приподнялись брови:

– Розендорф?

У главврача тоже:

– Да. Вы его знаете?

Я улыбнулся:

– Как раз вот и живу в «Медозе».

Главврач хмыкнул:

– Вам повезло... Розендорф очень интересный, талантливый врач. И администратор тоже способный...

– Да, у меня от него самые приятные впечатления. А почему он близко к сердцу высказывания Запалина принял? Там есть упреки конкретно в адрес Розендорфа?

– Нет, – замахал руками главврач, – боже упаси. Я думаю, они и не знакомы вовсе. Но то, что Запалин пишет, в частности про дисбактериоз, не совсем согласуется с тем, как эту болезнь, скажем, видит доктор Розендорф. А он, без сомнения, один из виднейших специалистов по этой напасти.

Я задумался:

– Розендорф, значит, принял записки Запалина близко к сердцу...

– Да, – вздохнул главврач, – так же, как и я.

– Вы тоже специалист по этому, по... дисбактериозу?

– Нет, что вы, – замахал руками главврач «Пальмиры», – Я занимаюсь СРК.

Это мне ничего не говорило:

– СРК?

– Да, есть такая болезнь – синдром раздраженного кишечника.

– И про нее тоже есть у Запалина? – догадался я.

– Да, – подтвердил главврач и снова вздохнул, – Жаль, жаль, если тетрадь пропала...

Хотя теперь я думаю, что, может быть, все-таки и не пропала. Возможно, жена Запалина нашла ее, но не отдала посторонним без разрешения мужа. Она знала, как эти записи дороги для него.

Я согласился:

– Конечно, может быть и такое...

Он повторил еще раз:

– Жаль, жаль, если тетрадка пропала... Вот ведь и копию не сделал. Не догадался. Не сообразил... Очень интересные мысли. Очень. Там материала, мыслей на несколько научных статей, если не диссертаций...

– Действительно?

– Определенно.

– Да, – посочувствовал я, – И мне жаль, если такой ценный труд пропал.

– Ценный. Без сомнения, ценный...

Мы попрощались.

– До свидания.

– Будьте здоровы.

Когда я был уже в дверях, главврач «Пальмиры» попросил меня:

– Если вдруг вам что-нибудь станет известно об этой тетради, сообщите мне, пожалуйста. Для меня это очень важно. Очень важно.

– Да-да, – пообещал я, – Конечно, если вдруг, то сразу...

Я вернулся в кафе. Анны все еще не было. И я раскрыл тетрадь, продолжив читать с того места, где остановился прошлый раз.

«Три года как болею... С ума сойти: мучаюсь уже три года! Лечусь, лечусь, лечусь и мне все хуже, хуже, хуже... У кого я еще не был? Какие лекарства еще не пил?

– А минералку пьешь? – в ответ на мои жалобы спросил приятель на работе.

– Нет.

– Напрасно, мне лично помогает. Выпью перед обедом бутылочку и хоть десяток свиных бифштексов могу проглотить...

Десяток свиных бифштексов. Мне хоть один бы...

Выпил бутылку минералки, которая, судя по этикетке, должна помогать моему организму. И, правда, стало лучше на несколько часов. Выпил еще, но уже, кажется, без такого результата...

На работе просто какой-то завал начинается. Ничего не успеваю, а еще новый начальник на нашу голову свалился не очень умный. Все психуют. И я со всеми...

Есть нормально не могу. Спать нормально не могу. И новая проблема по мужской части. Знакомый уже врач поставил диагноз:

– Воспаление...

Вот ведь напасть... Врач выписал антибиотик.

Пропил антибиотик, а лучше, по-моему, не стало. Пошел к другому врачу. Все повторилось.

...

И вот еще новая забота – сердце. Давит в груди так, что просто нехорошо себя чувствую. К врачу? А куда деваться?...

Пошел. Сняли кардиограмму:

– Вроде, все в порядке...

Посадили на велосипед и снова стали снимать показатели:

– Крутите педали.

Кручу. Сначала легко было. Потом они нагрузку увеличили, но кручу. Еще тяжелее стало, но кручу.

– Все, – говорят, – слазьте. Здоровое у вас сердце.

С одной стороны, конечно, прекрасно, что у меня сердце здоровое. Но с другой, если оно здоровое, то, что же оно болит? Что же это со мной?...

...

Снова пообщался с приятелем, который мне про минеральную воду говорил. Он посоветовал в санаторий в Минеральск съездить:

– И водичку там на месте попьешь свеженькую, и полное исследование здоровья пройдешь, и отпроцедурят тебя по полной программе. Вернешься другим человеком. По себе знаю...

И действительно, давно пора позаниматься своим здоровьем не между делом, не набегам на разных врачей, а серьезно, комплексно. Пусть врачи окончательно во мне разберутся и если не поставят на ноги, то, по крайней мере, укажут верную дорогу.

Решено. Еду в санаторий. Туда, где источник той самой нужной мне минеральной воды. Буду пить то, что надо, и так, как надо. И вернусь здоровым. Здоровым!!!

...

В санатории в который уже раз взяли все возможные анализы, провели исследования, сделали вывод:

– Да, у вас классическая желче-каменная болезнь. ЖКБ – диета «стол номер пять». Будете пить водичку...

Все-таки ЖКБ. Ничего нового... Но, может, свежая, не из магазинной бутылки водичка поможет?

Иду к источнику. К нему бредут десятки таких же озабоченных своим здоровьем. Как кони на водопой. Молодые и старые. Брюнеты. Блондинки. В цветах и в яблоках...

Говорят, что именно кони и открыли этот источник. Местные люди заметили, что, хотя река совсем рядом, кони ходят на водопой за десяток километров к ручейку. Заметили и подумали, чего бы это им к другой воде ходить, наверное, в ней что-то очень хорошее есть. Попробовали сами. Многим понравилось. Стали пить для здоровья.

А позже этой водой врачи заинтересовались. И подтвердили ее целебные свойства. Стали разрабатывать лечебные методики. Поначалу заставляли пациентов по десять литров в день выпивать. А так как за таким количеством не набегаешься, да и погода не всегда благоприятствует, то построили галереи. Барышни и господа надувались минералки и прогуливались по этим галереям, чтобы быстрее вода усваивалась. Заодно знакомились, беседовали. Так, на полный мочевого пузыря, завязывались знаменитые романы прошлых веков...

Сегодня, слава богу, не надо пить воду литрами – всего лишь стакан перед едой. Какой вкусной мне показалась эта вода! Значит, она – то, что надо моему больному организму, значит я на правильном пути! Не зря ехал за сотни километров на водопой!

...

Обнаружили воспаление в кишечнике. Может, именно в нем все дело? Лечат. Не самое, конечно, приятное дело. Но иначе зачем приезжал? Терплю. А хорошо, что здесь есть и приятные процедуры. Вот грязью намазывают проблемные места и лежишь, греешься, улыбаешься и надеешься, надеешься, надеешься...

Так и проходит весь день в процедурах и лечении. Между ними завтрак, обед, ужин. И только на выходные можно расслабиться и сменить обстановку. Езжу в горы, смотрю на снежные вершины.купаюсь вместе с другими отдыхающими в горячих минеральных источниках. Вместе со всеми мажусь донной голубой глиной. Врачи говорят, что толку от этой глины нет. Но многие верят, что все-таки есть. Женщины мажут лица. Надеются что-то подтянуть. Мужики – у кого что болит. И я намазал себе живот. А до чего ж хороша троица невысоких пузатых и лысых мужичков. Вымазались с головы до пяток, стали гладкие и синие, как марсиане...

...

Но вот и закончился курс лечения. Еду домой со смешанными чувствами. С одной стороны, как-то определенно бодрее себя чувствую. С другой, в животе моем все по-прежнему бурлит и переливается...

С отдыха вернулись жена и дети. Днем все веселые, бодрые, дурачатся напропалую. Ночью спят, как убитые. Один я слушаю, как недовольно бурчит и бурчит мой живот. Как же я им завидую. Вот бы мне просто нормально заснуть. Просто видеть хорошие сны до утра. Не просыпаясь, не думая по полночи: «Что со мной?... Что со мной?... Что со мной?...

Я оторвал глаза от тетради. Огляделся. Анна явно опаздывала. Процедуры? Поболтать с приятельницей? Магазины? Делать нечего, почитаю еще:

«Четыре года болезни... Вот какая ж дрянь ко мне привязалась. Ну, понимаю, захотела бы убить, раз бы и все. А то так, медленно изводит. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом...

А может, это мой организм такой сильный и не сдался сразу? И не сдастся, борется. А я сам уже сдался? Раньше него?...

...

Пошел к еще одному врачу. Тот приговорил:

– Дисбактериоз.

Он же – дисбиоз. Он же – синдром избыточного роста кишечной микрофлоры. Он же – нарушение колонизационной резистентности. Он же – изменение состава нормальной кишечной микрофлоры...

Сдал анализы. Подтвердили дисбактериоз, в анализах обнаружили дефицит молочнокислых бактерий. Придется для них есть больше клетчатки, отрубей, кефира. Вот как раз по телевизору рекламируют «Медоза-стронг» – чудо-кефир с нужными микроорганизмами. И пропью еще несколько курсов различных полезных бактерий, которые прописал врач...

Теперь-то уж точно выздоровею! Все-таки нашли, нашли основную причину моих несчастий!..»

Дисбактериоз... Знакомое слово... Да, это же название болезни, на которой специализируется главврач «Медозы» Розендорф...

– Вот и мы!

Я аж вздрогнул. Анна чмокнула меня в щеку:

– Что читаем?

Показал ей тетрадку:

– Так, муру какую-то.

Она удивилась:

– Муру? А зачем тогда читаешь?

Я свернул, сунул тетрадь в карман:

– Да вот, люди, когда узнают, что я журналист, подсовывают всякое. А отказать, знаешь ли, не всегда удобно.

Анна хитро посмотрела на меня:

– И мне ты тоже не сможешь отказать?

Я не понял:

– В каком смысле?

Она сняла с плеча сумочку:

– Ну вот, если у меня в этой сумочке сейчас есть что-то для газеты? Я тебе говорила, что должна была встретиться с приятельницей. Мы с ней одну очень важную тему обсуждали. И, надо сказать, очень плодотворно обсуждали. В результате даже кое-какие мысли записать решили.

Я недоумевал:

– Какие мысли?

Анна смотрела на меня уже совсем не хитро, а очень даже серьезно:

– Какие мысли? Ну, получилась, наверное, целая статья или, может быть, репортаж.

Не знаю, как это у вас точно называется.

– О чем?

Анна заглянула в сумочку, что-то там полистала, что ли, и произнесла:

– О различном воздействии утренних и вечерних процедур на кожу молодых незамужних женщин.

Я не нашелся что сказать, лишь повторил:

– «О различном воздействии утренних и вечерних процедур на кожу молодых незамужних женщин...»

Анна кивнула и тут же рассмеялась:

– Испугался? Поверил?

Я окончательно растерялся:

– Испугался... Поверил...

А она шуточно пригрозила:

– Сейчас вот как достану из сумочки толстенную тетрадь со всякими статьями и репортажами.

Я, наконец, смог улыбнуться. Анна же действительно полезла в сумочку. Достала косметичку:

– Отвернись. Не смотри. Мне кое-что на себе поправить нужно...

Я запрокинул голову. Уперся взглядом в верхушку каштана и вернулся мыслями к желтой тетради. Странно, но в записях Запалина я не находил ничего похожего на то, о чем говорил главврач «Пальмиры». Ничего особенного. Какая там на фиг научная статья или диссертация. Столько шуму из-за обычных записей больного человека. Да, таких, наверное, тысячи пылится по прикроватным тумбочкам квартир и больничных палат.

И чего я так разволновался? Зачем наврал главврачу «Пальмиры», что тетрадь не у меня? Это, наверное, моя творческая фантазия разыгралась. Отдохнувшая, уже соскучившаяся по работе головенка придумала, что во всем этом есть какая-то история. А ведь на самом деле нет никакой истории. Тетрадь интересует главврача «Пальмиры» просто как какой-нибудь дополнительный статистический материал.

А лекарство в крови Запалина? Да он, скорее всего, действительно элементарно напился. Так бывает, после долгого воздержания просто перебрал. Добрые люди довели его до дома. А потом главврач ошибся с анализами. Или какая-нибудь медсестра что-нибудь перепутала. Капнула, куда не надо, попавшийся под руку препарат. Бывает же такое.

Я вздохнул. Нет, конечно, всякое бывает, но уж слишком много допущений, связанных с одним человеком. В одно время. В одном месте.

Я прикрыл глаза рукой. Здесь явно что-то не так. Что-то не так...

– Что-то не так? – спросила Анна.

– Да, что-то не так, – я все еще был в своих мыслях, но тут же одернул себя, – Нет, ничего, все в порядке. Это я просто по работе задумался. Вспомнилось...

– А давай я тебя отвлеку.

– А давай.

– Закрой глаза...

И она меня отвлекла. Завлекла. Увлекла...

Несколько раз мы были у меня. Моя комната была больше, чем у Анны. И кровать тоже. Но до «Янтара» было ближе.

Да, в «Янтаре» были тонкие двери стены. И чуткие к чужим удовольствиям соседи. Но Анна старалась не сильно их развлекать. Когда страсть накатывала на нее, она, чтобы не закричать, выворачивала левую руку и крепко закусывала ладошку в самом ее низу. Там теперь был постоянный тоненький синячек в виде подковы. Я поцеловал его:

– Идем?

Мы быстро добежали до «Янтара»...

Когда в тебе не остается физических сил для движения телом, нет сил и для того, чтобы ворочать мыслями. Ты только глупо улыбаешься, глядя в потолок. Чувствуешь щекотливость волос Анны. Ее лежащую на твоём плече голову. Ее всю, прижавшуюся и грудью, и бедром, и животом. Всю. Всем.

Она шепчет мне в ухо. Что-то. Не важно. Мой мозг не работает. Я не понимаю. Я просто глупо улыбаюсь, глядя в потолок, чувствуя щекотливость волос Анны...

5

Утром на завтрак к моему столику подошла Инесса:

– Доктор Розендорф просил вас зайти к нему в кабинет.

– Хорошо, – кивнул я.

Инесса, однако, не отходила. Как будто хотела сказать что-то еще.

Я так и спросил:

– Что-то еще?

– Да, – с готовностью подтвердила она. И тут же отрицательно мотнула головой, – Нет.

Ничего. Потом...

И ушла.

Ну, ушла и ушла. Проводив ее взглядом, я, не спеша, доел завтрак.

Розендорф огорошил с порога:

– Я вас ревную.

Наверное, у меня вытянулось лицо:

– Что?

– Присаживайтесь, – пальцы рук Розендорфа, лежащие на столе, нервно постукивали по какой-то папке. – Вы были у наших конкурентов в «Пальмире». Вы были у другого врача. Вас не устраивает наше лечение? Я, как врач, вас не устраиваю?

Я совершенно искренне улыбнулся:

– Ну что вы, в самом деле... В «Пальмире» я был совершенно по другому, вовсе даже не лечебному поводу. И мне, кстати, в этой санатории сказали, что всем, кто попал в «Медозу», очень повезло, потому что здесь лучшее обслуживание, а вы – просто отличный врач. И я с этим полностью согласен.

Пальцы Розендорфа забегали быстрее:

– Но тогда, тогда зачем...

– Я просто заходил провести знакомого. Но не застал его. Вот и все...

Пальцы Розендорфа не останавливались. Он пристально смотрел на меня:

– Вы заходили к Запалину?

– Да, а откуда вы все знаете?

Розендорф несколько натужно улыбнулся:

– Видите ли, наш курорт – это такая маленькая деревня, где все друг про друга все узнают моментально. В «Пальмире» вы говорили о желтой тетрадке. Она у вас?

Вот ведь тоже интересуется этой чертовой тетрадкой. Я частично подтвердил:

– Действительно, мы говорили и о тетрадке Запалина. Но, к сожалению, она не у меня. И, как я понял из слов главврача «Пальмиры», вообще неизвестно где.

Розендорф встал и прошелся по кабинету, остановился у стола:

– А что вы хотели вернуть Запалину?

Этот разговор начал меня раздражать:

– А почему я собственно...

Розендорф тут же смягчился, выставил руки перед собой:

– Не обижайтесь, не обижайтесь ради бога. Просто эта тетрадь..., эта тетрадь представляют для меня большой научный интерес. Вы же, как журналист, наверняка знаете, что ученые, исследователи, охваченные какой-нибудь идеей, в процессе работы, поиска нередко просто в безумие впадают и в общении становятся совершенно невыносимыми. Простите меня. Простите, пожалуйста...

В его голосе уже не было прежнего напряжения, но Розендорф все также пристально и выжидающе смотрел на меня. Нужно было развеять подозрения:

– Я заходил к нему по очень простому поводу.

Розендорф ждал.

Я улыбнулся:

– Со всяким такое хоть раз в жизни происходило.

– Да-да...

– Так вот, это было совсем незадолго до несчастья, которое случилось с Запалиным...

Раз уж здесь такая маленькая деревня, то я думаю, вы знаете, что случилось с Запалиным?

– Конечно-конечно, – нетерпеливо подтвердил Розендорф, снова усаживаясь за стол, –
Продолжайте.

– В тот день, в тот вечер мы виделись с ним. В кафе. Сидели за соседними столиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.